

## ТЮЗ НА ГАСТРОЛЯХ

# «В ЧЕРА НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ...»

С этих слов каждый день начинается оперативка в кабинете директора Тульского областного театра юных зрителей З. И. Налмыковой. Иначе нельзя: каждый день театр показывает по два спектакля на выезде и зачастую не как обычно, в доме культуры или клубе, а в условиях исключительных — на полях станах. Прямо под открытым небом импровизированная сцена. А ведь искусство театра — одно из самых изменчивых, оно творится на наших глазах и как ни одно другое зависит, говоря словами драматурга И. Штока, «от всего на свете: от погоды, от посещаемости, от здоровья исполнителей, от вкусов публики, от пристрастий критиков, от соседних спектаклей и от других театров, от музыкального оформления, от эпидемии гриппа и от переезда, от настроения актеров, от того, верно или неверно прочитает пьесу театр...»

Можно представить, сколь интересна эта зависимость в спектаклях тюза, маршруты которого включают в настоящее время шесть крупнейших районов области, более 20 колхозов и совхозов, два пионерских лагеря. Можно представить...

## 1. ПОГОДА, ИЛИ ДРАМА ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Трактор нутно ревет. Но грузовик с декорациями упорно не хочет трогаться с места. Еще менее податлив новенький синий автобус. Артисты в нем — на редкость спокойные пассажиры. Да и нерентабельно переживать: в дороге случается всякое, а волноваться перед спектаклем — к чему? За всех сполна это делает Владимир Шарановский. Кроме таланта драматического, артист щедро наделен другим, весьма редким и ценным в театре даром. Он заведующий постановочной частью, короче — заплот. Это значит — мастер на все руки: электрик, столяр, бутафор и т. д. И прежде всего — организатор, имеющий хозяйскую смекалку. И не писаная ни в одном уставе обязанность — волноваться так, точно перед премьерой пьесы Гоголя.

Дороги нынче так и порозит предать — из-за частых дождей. Они и по сухой погоде здесь, в глубинке Арсеньевского района, заставят вздрогнуть любого бывалого шофера. Но искусство театра не зря начиналось с Олимпа — с пьес о небожителях. Из века в век, наверное, передаются эта традиция и в театральных коллективах — в критический момент хранит олимпийское спокойствие. И дорожные перипетии не влияют на ход спектакля. Другое дело — если спектакль уже начался...

Первые сцены «Старшего сына» шли нормально. В клубе, казалось, собрался весь колхоз «Коллективист». Плавский район по праву может гордиться такими театрами. Механизаторы пришли с семьями, а ведь пазатра рано вставать, предстоит трудный, напряженный день полевой работы. Но в эту вечернюю пору душой отдыхает хлебороб от усталости минувшего дня. От усталости физической. А душа его, что же — она? Окинь мысленно взором, читатель, тесное клубное строение. Нет в нем бархата, кристал, золоченых луж и внушительной лампы. Ты увидишь — загорелые лица, красивые напряженные руки, нарядные женские платочки. Но, пожалуй, более всего поражают глаза. В них — сопричастность той тайне, что живет

на сцене, что открылась им сейчас, сию минуту. На сцене ли? Скорее в той жизни, которая рождается великим искусством театра и которую, узнавая, человек перестает считать уникальными собственными удачами и бедами, становясь спокойнее и мудрее, понимая нечто важное о своем месте на земле. Нечто такое, что трудно выразить словами. Вот только глаза способны передать толк этого «нечто», только глаза, в которых, кажется, живет душа. И вспомнишь тогда слова поэта: «чтоб воду в ступе не толочь, душа обязана трудиться — и день, и ночь...»

Люди, собравшиеся в клубе, с жадностью следили за тем, как развиваются события. Особенно им близок и понятен Сарафанов, его отцовские чувства, человеческие качества, его доброта и ранимость. Действие развивалось... Вдруг клуб содрогнулся, точно от взрыва, казалось, вот-вот рассыплется. Грянул гром, засверкали молнии. Но натаившаяся гроза не существовала для театра, спектакль продолжался. И когда погас свет, принесли керосиновые лампы. Электрические фонари были почти у каждого механизатора — их было так много, что они с успехом заменили свет софитов.

После спектакля долго не расходились. Сравнивали две постановки, оговаривались, многие видели «Старшего сына» по телевидению, говорили об этом. Но больше всего — о Сарафанове, о том чем он симпатичен: такой никогда не будет вредить исподтишки, стремиться унижить, задеть, не станет мелко лавиндовать и злобно мстить... Человек он добрый, а для таких быть добрыми — все равно что дышать. Он не будет подобно злобным людям подличать, при этом всячески стараясь убедить (в основном — себя), что творит правое дело.

## 2. ПОСЕЩАЕМОСТЬ, ИЛИ КАК ШНУРКИ РАЗВЯЗЫВАЮТ

Алексинский район, пионерлагерь «Заполье». Опять — «Старший сын». Как известно, пьеса не для малышей. Но их здесь — большинство. Клуб, в котором шесть дверей, являет собой зрелище в своем роде исключительное. То и дело открываются двери. Добрая половина мест пустует, хотя в лагере отрядов далеко не двадцать. В пьесе речь идет и об одиноких прекрасных женщинах, есть и о любви, и о других серьезных проблемах. Зрители ведут себя красноречиво. Вот один активный карапуз лег животом на авансцену, и пока артист Виктор Шубников произносит вдохновенно монолог, шнурок на его ботинке молниеносно развязан. Зашатался, нахрензился левый «юпитер», теснимо толпой ребят, в проходе между рядами мигом и не очень громко образовалась куча-мала.

В зале всего три пионервожатых, все из второго отряда. На довольно обширной территории лагеря взрослые мелькают вдалеке, тепло одетые, босиком, словно цыганята, носят дети, не охваченные «клубным мероприятием». О котором, кстати, известно было больше чем за неделю, и готовиться к которому должны были в лагере и воспитатели, и вожатые.

В ответ на наш вопрос «Почему такое?» вожатые засмутились. Видимо, за своих товарищей по работе: сами-то хоть в зале присутствовали. Но тем не менее

нам пришлось выслушать недоуменное: «Поймите, ведь это же дети. Разве их заставишь сидеть?»

А вот что сказала тихая девочка с серьезными глазами, Лена Лободзюк, приехавшая из далекой Норкуты в Алексин Бор на 45 дней: «Как интересно было бы, если бы не мешали смотреть. Ведь так редко бывают спектакли». Не будем здесь рассказывать о том, какую воспитательную работу и просмотру спектакля должны были провести. Здесь прекрасно знают о своих обязанностях — иначе не были бы приняты на работу в лагерь.

## 3. О НАСТРОЕНИИ АКТЕРОВ

Оно, настроение актера, может стать солнечным, радостным, даже если очень устал. Так было в Богородицком районе, когда директор дома культуры в антракте подошла и спросила, можно ли организовать абонементам показ спектаклей и не в поле, а во дворце культуры... Давали на этот раз «Вечер старинного водевилья» в колхозе «Победа» Богородицкого района. Спектакль шел на деревянной, специально сколоченной сцене, в окружении, способном затмить любые декорации: небо, поле, далекий лес... Играли — словно премьерный спектакль. Не только по самолюбию актера, но и по реакции зрителей — те хохотали так дружно и в столь неожиданных моментах, которые на стационарной сцене обычно идут сполна. Как тут не быть пристрастным критику: «Ведь от нежного сердца», пьесу Лабиша, буквально было не узнать. Казалось, зрители заостряют: добрый характер чуют под любым прикрытием, даже под молчанием, неловкостью. А зло, как оно не корчится в потугах, все осмеяно будет.

И что интересно: самочувствие актеров во многом зависит от настроения зрителей. Вот — опять: уезжает театр из Алексина. Автобус буквально облепили почтальоны. Две девочки не спускают восхищенных глаз с Валентины Золотовой. А она, артистка, уставшая после спектакля, только увидела их глаза, — просияла, улыбнулась.

За автобусом ребята бегут долго, пока можно рядом, чтобы видеть... «Ах, черти! — не выдерживает кто-то в автобусе. А шурики как развывают, а?» Все не могут забыть редкостный инцидент в пионерлагере.

Театр возвращается с выездного... Поздний вечер, дождь. Дорога неблизкая — из глубины Плавского. Синий автобус прыгает на ухабах. Перекачивается огромный гриб-свинух у ветрового стекла — трофей из леса! А завтра — снова в дорогу. Но спокойствие — олимпийское, но настроение — прекрасное. И не зря, право же, тюзомы слаются своими капустниками: здесь, в автобусе, таланты не регламентированы режиссерской волей, проявляют себя, какой сколько хочет. Кто из вас знает, скажите, что артист Александр Кубанек так замечательно поет! Сначала звучат ария, потом — стихи Блока.

Один задумчиво смотрит на летящий мимо лес, другой читает новый сборник рассказов Евгения Носова, третья в руках — аляпанье. Время от времени начинают звучать монолог заплот Шарановского. О том, на он повезет завтра избушку из спектакля-сказки, сломанная грузовиком...

А что же — их роли? Спрятаны они глубоко, в тайниках ума и сердца, эти пройденные чужие жизни. Чужие ли? От каждой, наверное, в сердце след. И поэту, наверное, постигая великое искусство театра, человек перестает считать уникальными собственными удачами и бедами, становясь спокойнее и мудрее, понимая нечто важное, нечто такое, что трудно выразить словами.

Л. МОРОЗОВА.